

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Борис Керженцев

РОССИЯ КРЕПОСТНАЯ

**ИСТОРИЯ
НАРОДНОГО РАБСТВА**

Русская история (Вече)

Борис Тарасов

**Россия крепостная.
История народного рабства**

«ВЕЧЕ»

2020

Тарасов Б. Ю.

Россия крепостная. История народного рабства / Б. Ю. Тарасов —
«ВЕЧЕ», 2020 — (Русская история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8221-2

О том, что в России существовало крепостное право, знают все. Но что оно представляло собой на самом деле – сегодня мало кто знает. Тема эта была окружена своего рода заговором умолчания, продолжающимся до сих пор. Видимо, правда о двухвековом периоде народного рабства часто оказывается слишком неудобной по разным соображениям. Поэтому совершенно упускается тот факт, что на момент начала крестьянской реформы двадцать три миллиона крестьян представляли собой полную частную собственность своих господ. И эта «крещеная собственность» продавалась с разлучением семей, ссылалась в Сибирь, проигрывалась в карты и, наконец, погибала от бесчеловечных наказаний не только до самой даты «освобождения»...

ISBN 978-5-4484-8221-2

© Тарасов Б. Ю., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

От автора	6
Глава I. «Несносное и жестокое иго»	7
Глава II. «Крестьянская доля – весь век неволя»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Борис Юрьевич Тарасов
Россия крепостная.
История народного рабства

© Тарасов Б.Ю., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

*С благодарностью посвящаю книгу моей жене Даше, деятельная
помощь и поддержка которой помогли появлению этой работы.*

От автора

О том, что в России существовало крепостное право, знают все. Но что оно представляло собой на самом деле – сегодня не знает почти никто. Не будет преувеличением утверждать, что после гневных обличений крепостничества А. Герценом и еще несколькими писателями и публицистами того времени проблема была окружена своего рода заговором умолчания, продолжавшимся до сих пор. Причина в том, что правда о двухвековом периоде народного рабства оказывается часто слишком неудобной по разным соображениям. Авторы академических исследований предпочитают углубляться в хозяйственные подробности, часто оставляя без внимания социальное и нравственное значение явления в целом; авторы учебных и научно-популярных работ избегают освещения этой темы, предпочитая ей более героические и патристические сюжеты. В результате из исторической памяти общества выпадает целая эпоха, а точнее – формируются неверные представления о ней, не имеющие ничего общего с действительностью. Если и вспоминают о крепостных порядках, то непременно начинают утверждать о «патриархальности» взаимоотношений крестьян и помещиков, совершенно упуская из вида, что еще на момент начала крестьянской реформы 23 миллиона русских крестьян с точки зрения законов российской империи представляли собой полную частную собственность своих господ. И эта «крещеная собственность» продавалась с разлучением семей, ссылалась в Сибирь, проигрывалась в карты и, наконец, погибала под кнутами и розгами от бесчеловечных наказаний не только до самой даты «освобождения» 19 февраля 1861 года, но в некоторых случаях еще в течение нескольких лет после нее. А многие юридические и бытовые пережитки крепостничества оставались в силе почти до последних дней существования империи.

Сформировавшийся искаженный взгляд на крепостную эпоху преодолеть трудно. Чтобы развеять накопившиеся за прошедшее время недобросовестные утверждения и домыслы, растражированные во множестве изданий, потребуется еще немало усилий. Но тем ценнее для достижения этой цели и восстановления истины мнения современников и очевидцев эпохи, не просто живших при крепостном праве, но познавших его на собственном опыте – помещиков и их крепостных людей. Поэтому их свидетельствам уделено особое внимание на страницах предлагаемой вниманию читателя книги. Они, а также объективные данные других источников, фрагменты полицейских отчетов и законодательных постановлений, именных императорских указов, крестьянские челобитные открывают Россию с малознакомой и непривычной стороны. Кому-то это «закулирье» великой империи может показаться слишком неприглядным. Но нельзя забывать, что историческая правда всегда «горчит» по сравнению с подслащенным и отретушированным историческим мифом.

Глава I. «Несносное и жестокое иго»

Как русские крестьяне оказались в рабстве на своей земле

Наша матушка-старина богата, даже с избытком, такими фактами, о которых нынешнему поколению не придет в голову и во сне. Есть о чем написать...
Русская старина, т. 27, 1879 г.

Вступив на престол крупнейшей монархии мира при чрезвычайно сомнительных обстоятельствах, молодая немецкая принцесса, получившая известность под именем Екатерины Великой, чтобы сохранить власть, а вместе с ней и свою жизнь, была вынуждена внимательно прислушиваться и присматриваться к тому, что происходит в ее обширной державе. Поступавшая информация была крайне неутешительной, но в ее достоверности сомневаться не приходилось, поскольку сведения приходили из надежных источников.

Так, граф П. Панин сообщал императрице: «Господские поборы и барщинные работы не только превосходят примеры ближайших заграничных жителей, но частенько выступают и из сносности человеческой».

Не редкостью в России второй половины XVIII века была четырех-, пяти-, а то и шестидневная барщина. Это значило, что всю неделю крестьянин работал на пашне помещика, а для того, чтобы возделывать свой участок, с которого он не только кормил семью, но и платил казенные подати, у него оставались только воскресный день и ночи.

А. Радищев передавал свой разговор с мужиком: «Бог в помощь, – сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду.

– Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар?

– В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим вставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша...»

Новгородский губернатор Сиверс доносил Екатерине, что поборы помещиков со своих крепостных «превосходят всякое вероятие». Состояние деревенских жителей современниками прямо характеризовалось как рабство.

Иностранные путешественники, побывавшие в России во времена правления Екатерины, оставили записки, полные изумления и ужаса от увиденного. «Какие предосторожности не принимал я, – писал один французский мемуарист, – чтобы не быть свидетелем этих истязаний, – они так часты, так обычны в деревнях, что невозможно не слышать сплошь и рядом криков несчастных жертв бесчеловечного произвола. Эти крики преследовали меня даже во сне. Сколько раз я проклинал мое знание русского языка, когда слышал, как отдавали приказы о наказаниях».

Без пощечин и зуботычин дворовым слугам не обходилось практически ни в одном господском доме. И отличия можно было найти только в том, как писал один современник, что «наказания рабов изменяются сообразно с расположением духа и характером господина». Где-то барыня предпочитает бить наотмашь башмаком по лицу крепостных девушек, ставя их перед собой в ряд; в другом месте высекли разом 80 служанок за невыполнение работы в срок. По свидетельству известной княгини Е.Р. Дашковой, фельдмаршал граф Каменский в присутствии ее лакея так избил двоих крестьян, что проломил им обоим головы о печку.

Писатель Терпигорев вспоминал о своем дедушке-помещике, которого прозвали «дантистом» за редкое умение одним ударом выбивать дворовым слугам зубы в минуту барского гнева, а то и шутки ради. Примечательно, что этот господин выделялся из ряда себе подоб-

ных не фактом битья своих рабов – так поступали почти все, а только необычайной ловкостью битья, которой добродушно удивлялись соседи-рабовладельцы.

Наконец в декабре 1762 года императрице была подана жалоба от 40 крепостных людей Дарьи Салтыковой. Они заявляли о чудовищных злодеяниях своей госпожи и обращали внимание правительницы на то, что юстиц-коллегия, вместо проведения расследования, помещицу не допрашивает, будто бы по ее болезни, а между тем она вполне здорова и по-прежнему мучает своих слуг. При этом сами челобитчики арестованы и содержатся под караулом.

Дело Салтычихи на общем фоне безнаказанности и злоупотреблений действительно выделялось особой жестокостью, дававшей основания сомневаться в душевном здоровье помещицы.

Так, дворовую свою Максимову она собственноручно била скалкой по голове, жгла волосы лучиной. Девоч Герасимову, Артамонову, Осипову и вместе с ними 12-летнюю девочку Прасковью Никитину госпожа велела конюхам сечь розгами, а после того едва стоявших на ногах женщин заставила мыть полы. Недовольная их работой, она снова била их палкой. Когда Авдотья Артамонова от этих побоев упала, то Салтыкова велела вынести ее вон и поставить в саду в одной рубахе (был октябрь). Затем помещица сама вышла в сад и здесь продолжала избивать Артамонову, а потом приказала отнести ее в сени и прислонить к углу. Там девушка упала и больше не поднималась. Она была мертва. Агафью Нефедову Салтычиха била головой об стену, а жене своего конюха размозжила череп железным утюгом.

Дворовую Прасковью Ларионову забили на глазах помещицы, которая на каждый стон жертвы поминутно выкрикивала: «Бейте до смерти»! Когда Ларионова умерла, по приказу Салтычихи ее тело повезли хоронить в подмосковное село, а на грудь убитой положили ее грудного младенца, который замерз по дороге на трупе матери...

Однако господа сенаторы колебались. Не хотели огласки недостойного поведения дворянки, боялись реакции дворянства на неизбежное осуждение помещицы. Предлагалось вместо разбирательства убийств в доме Салтычихи – выпороть хорошенько самих ходоков. При чем выяснилось, что указанная челобитная от дворовых Салтыковой далеко не первая. И прежде с теми крестьянами, кто доходил до столицы в поисках справедливости, так и поступали – били кнутом и возвращали госпоже на расправу, или ссылали в Сибирь.

Но Екатерина решила все же принять челобитную и повелела начать расследование. Тем, кто хорошо знал императрицу, было очевидно, что за естественным для монарха стремлением к защите слабых и восстановлению справедливости на самом деле скрывается прагматический расчет. В народе зрело яростное возмущение против сложившейся в государстве системы угнетения. Наказание Салтычихи должно было стать показательным процессом, предостеречь владельцев крепостных «душ» и продемонстрировать народу заботу правительства о его положении.

Оставшиеся в живых к началу следствия крепостные слуги Дарьи Салтыковой обвиняли свою госпожу в гибели 75 человек. Чиновники юстиц-коллегии нашли возможным приписать ей только 38 убийств и в 26 случаях оставили «в подозрении». Преступницу приговорили выставить на один час к позорному столбу с вывеской на груди «мучительница и душегубица», а затем заключить в оковы и отвезти в женский монастырь, где содержать до смерти в специально для того устроенной подземной камере без доступа дневного света.

Зверства Салтычихи слишком часто использовались разными авторами для живописания ужасов крепостного быта. На короткое время ее имя стало едва ли не символом всей эпохи существования крепостного права. Но впоследствии навязчивое смакование ее преступлений привело, напротив, к маргинализации образа этой помещицы, представлению о совершенных ею злодеяниях, как о страшном исключении из патриархальных и добрых взаимоотношений между господами и их крепостными слугами.

В действительности Дарью Салтыкову, хотя и можно с полным правом назвать настоящим «извергом рода человеческого», но при этом ни в коей мере нельзя считать изгоем из среды русского дворянства того времени. Напротив, от нее тянутся множество нитей к известнейшим фамилиям московской и петербургской знати. Салтычиха состояла в близком родстве с Дмитриевыми-Мамоновыми, Муравьевыми, Строгановыми, Головиными, Толстыми, Тютчевыми, Мусиными-Пушкиными, Татищевыми, Нарышкиными, князьями Шаховскими, Голицыными, Козловскими...

И эта связь не была формальной. Знатные родственники не однажды выручали преступницу своим влиятельным заступничеством. Достаточно сказать, что следствие о совершенных кровожадной помещицей преступлениях начиналось 21 раз! И всегда прекращалось без всяких последствий и вреда для убийцы. По свидетельству очевидцев, оглядев истерзанное после пыток тело дворовой женщины Прасковьи Ларионовой, Салтыкова обратилась к окружающим ее в молчании слугам не то с торжеством, не то с угрозой: «Никто ничего сделать мне не может!»

В поместьях соседей и родственников Салтыковой творились часто не меньшие злодеяния, а об извращенном садизме княгини Козловской было широко известно в том числе и при императорском дворе. Насилие над зависимыми людьми стало нормой в России XVIII столетия, и «благородные» насильники чувствовали себя совершенно безнаказанными.

Показательное осуждение Салтычихи ничего не изменило и не могло изменить в нравах поместного дворянства. Сама Екатерина вскоре отступилась от намерений хоть в чем-то смягчить участь крепостных. Она справедливо опасалась задевать интересы помещиков, составлявших практически единственную опору все еще слишком шаткого трона.

В ответ на новые обращения крестьян, искавших защиты правительства от жестокости помещиков, вышел императорский указ, запрещающий подобные жалобы раз и навсегда. Указ гласил, что «которые люди и крестьяне в должном у помещиков своих послушании не останутся и недозволенные на помещиков своих челобитные, а наипаче ее императорскому величеству в собственные руки подавать отважатся, то как челобитчики, так и сочинители наказаны будут кнутом и прямо сошлются в вечную работу в Нерчинск...»

Таким образом, сама государственная власть утверждала в обществе, и в первую очередь в среде дворянства, отношение к крепостному крестьянину как к личной собственности хозяина. И не просто утверждала, но и защищала в практической жизни с помощью законодательства и военной силы. В.О. Ключевский писал по этому поводу, что в Российской империи «образовался худший вид крепостной неволи, какой знала Европа, – прикрепление не к земле, как было на Западе, даже не к состоянию, как было у нас в эпоху Уложения, а к лицу владельца, т. е. к чистому произволу».

Но как могло случиться, что граждане одной страны были самым государством поставлены в такие извращенные и несправедливые взаимные отношения, когда одни оказались бесправной собственностью других?

Этот вопрос приводил в недоумение многих еще в пору расцвета крепостного права. «Нельзя не заметить с особенным удивлением участи, которую в последствии веков имел простой народ русский, – писал Н. Тургенев в 1819 году. – В европейских государствах существовавшее там рабство произошло от завоевания. Варвары нагрянули на Европу, воспользовались правом победителей и из побежденных сделали рабов. Напротив того, в России народ русский сверг с себя постыдное и долго томившее его иго татарское, и при том случилось, что побежденные, т. е. татары, остались свободными, и многие из них вступили в сословие дворян, а большая часть победителей, т. е. большая часть коренного народа русского, была порабощена».

От начала своей истории и почти до времени Соборного Уложения 1649 года абсолютное большинство населения в России было лично свободным, могло выбирать род деятельности по своему усмотрению, но, конечно, исходя из тех или иных объективных возможностей. Суще-

ствовали и несвободные люди, холопы. Холопство делилось на несколько видов, но, за редкими исключениями, вроде плена на войне, формировалось также за счет свободных граждан, добровольно дававших на себя кабалу за материальное вознаграждение со стороны будущего владельца, на определенных, договорных и взаимобязательных для господина и холопа условиях. Таким образом, холоп был огражден от произвола хозяина действовавшими юридическими нормами, и в этом его принципиальное отличие от будущего бесправного крепостного раба. Холопство часто было выгодным и удобным способом ухода от государственных обязанностей под покровительство влиятельного частного лица.

Государев служилый человек, дворянин, имел право на свое казенное поместье до тех пор, пока воевал на границах государства «конно, людно и оружно». Если он по каким-либо причинам прекращал нести свою службу, он выбывал из своего сословия, лишался поместья и был волен заниматься чем угодно, если не подлежал уголовному преследованию, – открыть ли торговлю, похолопиться к знатному боярину в боевые слуги, или пойти «во крестьяне». Источники XVI и XVII веков полны подобными жизнеописаниями, когда и оскудевшие вконец князья Рюриковичи служили дьячками, нанимались на пашню или вовсе скитались «меж двор».

Военная ли служба, торговое ли дело, хлебопашество ли, как и любой другой вид деятельности, – все это было исключительно родом занятий, а не социально-безвыходным состоянием для свободного лично человека. Так, русский крестьянин, вплоть до середины XVII века, представляет собой, по крайней мере юридически, вольного арендатора дворцовой или помещичьей земли, хотя и стесненного уже к тому времени множеством законных и незаконных обязательств и условий. Но личной свободы он еще не потерял.

Тексты крестьянских порядных записей 20–30-х годов XVII века свидетельствуют о том, что еще в это время древнее право выхода сохранялось вполне. В порядных оговариваются только условия, на которых крестьянин мог покинуть землю помещика.

Однако дворянство все настойчивее требует отмены крестьянского выхода. Урочные лета – время, в течение которого помещик мог заявить о своих беглых крестьянах и вернуть их обратно, – с пяти лет очень быстро растягиваются до пятнадцати.

Наконец, Соборное Уложение, состоявшееся в 1649 году при царе Алексее Романове, среди прочего предписало возвращать беглых крестьян, записанных за тем или иным землевладельцем по писцовым книгам, составленным в 1620-х годах, «без урочных лет». Иными словами, данным постановлением раз и навсегда отменялись всякие ограничения исковой давности о беглецах. Эта мера закона распространялась и на будущее время.

Соборное Уложение 1649 года содержит, кроме отмены «урочных лет», целый ряд статей, приближающих прежде свободного земледельца к барщинному холопу. Его хозяйство все решительнее признается собственностью господина. В прежнее время закон мог и при определенных обстоятельствах ограничивать право выхода только одного тяглеца, владельца двора, лично ответственного за внесение податей, при этом его домочадцы, дети и племянники могли беспрепятственно уходить куда угодно. Теперь выдаче помещику подлежало все семейство, и те младшие и дальние родственники, кто не был учтен в писцовых книгах, со всем хозяйством, заведенным в бегах. Здесь же хотя еще и неясно и не вполне уверенно, но проскальзывает взгляд на крестьянина как на личную собственность господина, утвердившийся впоследствии. Уложение велит выданную в бегах замуж крестьянскую дочь возвращать владельцу ее вместе с мужем, а если у мужа были дети от первой жены, их предписывалось оставить у его прежнего помещика. Так допускалось уже разделение семей, отделение детей от родителей.

Еще одним ущемлением правоспособности закрепощенного мужика было возложение на помещика обязанности отвечать за податную способность своих крестьян, ведь они, переходя в распоряжение землевладельца, оставались государственными тяглецами.

И все-таки законодатели собора 1649 года еще видели в закрепощенном крестьянине подданного государства, а не рабочую скотину. Некоторые права его как личности, не задевав-

шие интересов государства, сохранялись и защищались. Крепостной не мог быть обезземелен по воле господина и превращен в дворового; он имел возможность приносить жалобу в суд на несправедливые поборы; закон даже грозил наказанием помещику, от побоев которого мог умереть крестьянин, а семья жертвы получала компенсацию из имущества обидчика.

Разница в правовом положении крепостного крестьянина середины XVII века и его совершенно бесправных внуков и правнуков, которым предстояло жить в XVIII столетии, значительна. Но именно Уложение 1649 года содержит в себе ростки будущих злоупотреблений помещичьей властью. Они состояли в том, что ни одним словом и даже намеком законодатели не определяли норм хозяйственных взаимоотношений помещика и его крестьян – ни вида, ни размеров повинностей, оставляя все исключительно на усмотрение господина. Не разъяснялось также, насколько крестьянин может считаться собственником своего личного имущества, или оно целиком принадлежит помещику.

Подобные умолчания, эта, по выражению историка XIX века, «либо недоглядка, либо малодушная уступка небрежного законодательства интересам дворянства» привели к тому, что «благородное» сословие воспользовалось удобным случаем и истолковало все неясности в свою пользу.

Правление Петра I положило конец любым сомнениям и неясностям. Император нуждался в рабочей силе, и эксплуатация крестьянского труда при нем приобрела невиданно жестокий характер. Причем настолько, что даже современные историки, утверждающие в общем необходимость и пользу петровских преобразований, вынуждены признавать, что деятельность державного реформатора для народа обернулась «усилением архаичных форм самого дикого рабства».

Крепостные служили в армии солдатами, кормили армию своим трудом на пашне, обслуживали возникавшие заводы и фабрики. Практически единственной производящей силой в стране, обеспечивавшей жизнедеятельность государства и сами преобразования, был труд миллионов крепостных крестьян.

Но кроме этого именно при Петре утверждается практика дарения христианских душ в качестве награды – любимцам, сподвижникам, союзникам и родственникам.

Император лично раздал из казенного фонда в частное владение около полумиллиона крестьян обоего пола. Так, грузинский царь Арчил стал по милости Петра обладателем трех с половиной тысяч дворов, населенных русскими крестьянами. Вместе с ним живые подарки людьми из рук правителя России получили молдавский господарь Кантемир, кавказские князья Дадияновы и Багратионы, генерал-фельдмаршал Шереметев. Один только светлейший князь Меншиков стал владельцем более чем ста тысяч «душ».

Именно с этих пор русские крестьяне становятся живым товаром, которым торгуют на рынках. Торговля приобрела такой широкий размах, что сам император попробовал было вмешаться и прекратить розничную торговлю людьми, словно рабочим скотом, на площадях, «чего во всем свете не водится», как он говорил сенаторам. Но вполне представляя себе негативную реакцию дворянства, особенно мелкопоместного, в среде которого практиковалась в основном розничная продажа крепостных, обычно непреклонный реформатор отступил. Он обратился в Сенат всего лишь с пожеланием «оную продажу людей пресечь, а ежели невозможно будет того вовсе пресечь, то бы хотя по нужде продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь».

Такая удивительная робость правительства перед дворянством привела к тому, что продажа людей в розницу, с разделением семей, разлучением маленьких детей с родителями и мужей с женами продолжалась в России почти до самой отмены крепостного права во второй половине XIX века!

Вообще история крепостного права в России полна примеров, которых действительно «во всем свете» никогда не водилось. Так, например, супруга Петра Великого, Екатерина I, урожденная Марта Скаврнская, была по своему происхождению крепостной крестьянкой

лифляндского помещика. Кроме того, семья венчанной российской императрицы, ее братья, сестры и племянники оставались в крепостной зависимости вплоть до 1726 года...

Боевая подруга Петра, оказавшись на троне, предпочитала не вспоминать о своих родственниках. Однако наиболее беспокойная из них, сестра Екатерины Алексеевны, Христина, не постеснялась напомнить о себе. Она сумела попасть на прием к рижскому губернатору Репнину с жалобой на притеснения от своего помещика и затем объявила о родстве с императрицей. На недоуменный запрос растерянного чиновника Екатерина, сама еще толком не зная, как поступить, приказала «содержать упомянутую женщину и семейство ея в скромном месте». В целях избежания огласки из усадьбы помещика царскую родню предписывалось изъять под видом «жестокое караула» и шляхтичу объявить, что они взяты «за некоторые непристойные слова...», а потом приставить к ним поверенную особу, которая могла бы их удерживать от пустых рассказов.

Вскоре при дворе в Петербурге появилось множество новых лиц – братья и сестры императрицы со своими женами, мужьями и детьми. Они были грубы и невоспитанны, но, учитывая простоту нравов императорского дворца при Петре и Екатерине, скоро освоились в столице. Им были пожалованы графские титулы, деньги, обширные имения и тысячи крепостных «душ».

Как и полагается большим господам, у каждого из этих новых аристократов появились свои барские причуды. Например, племянник императрицы, граф Скавронский, любил искусство и считал себя обладателем изысканного вкуса. Поэтому требовал, чтобы вся многочисленная прислуга в его дворце разговаривала исключительно речитативом. Того, кто ненароком сбивался и тем оскорблял слух господина, жестоко пороли на конюшне.

Но в то же самое время, случись лифляндскому шляхтичу подать иск о возвращении своих беглых крепостных, Скавронских, и, по справедливости, его следовало удовлетворить, поскольку помещик не получил даже ничтожной компенсации при тайном вывозе родственников императрицы из его имения. Тогда сиятельным графам Скавронским пришлось бы вновь надеть подобающее им крестьянское платье и терпеть фантазии уже своего господина. А благосостояние шляхтича при этом могло, мягко говоря, значительно возрасти, потому что закон предписывал возвращать беглого крестьянина помещику со всем имуществом, нажитым в бегах...

Правда, подобный иск так никогда и не был подан. Зато при дворе постоянно увеличивалось число безродных и безвестных прежде людей, фаворитов и временщиков, наложников и наложниц, удачно попадавших, как говорили тогда, «в случай» и в одночасье становившихся вельможами и богачами. За собой они вели свою родню, немедленно возводимую в графское и княжеское достоинство. Так из закройщиков и ткачей, лакеев и брадобреев выходили аристократические фамилии Гендриковых, Закревских, Дараганов, Будлянских, Кутайсовых и многих других.

Простой малороссийский казачок, знаменитый впоследствии Алексей Разумовский, попавший «в случай» к Елизавете Петровне и ставший ее тайным супругом, был пожалован ста тысячами «душ». Дворянство и поместья получили все его родственники, а младший брат, Кирилл, в возрасте 18 лет возглавил Академию наук, а через четыре года стал гетманом Малороссии.

Но существовали и другие пути для того, чтобы войти в ряды российского «благородного шляхетства». Для этого достаточно было получить на службе самый низший чин, соответствовавший 14-му классу Табели о рангах, введенной Петром I. Вместе с выслуженным «благородством» тысячи новых дворян получили право владеть и распоряжаться судьбой своих бесправных соотечественников. Человеческие качества новых рабовладельцев, поднявшихся нередко с самого социального дна, были не слишком высокими.

Александр Радищев приводит замечательный портрет такого господина.

«В губернии нашей жил один дворянин, который за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком¹, какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворной службы, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания... Чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора, с которым он приехал в то место, где родился... Там скоро асессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею.

Г. асессор произошел из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову... Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, подл, а потому над слабейшими его надменен. Если который казался ему ленив, то сек розгами, плетью, батожем или кошками², но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку... Сожительница его полную власть имела над бабами.

Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать... Плетью или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери.

Сыновья в свободное время ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала их насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили...»

Как видно, обращение с крепостными слугами в маленьком поместье бывшего лакея и в большом доме аристократки Салтыковой, а также ее знатных родственников практически одинаково.

В построенной при Петре и его преемниках государственной системе только верная служба строю и династии давала знатность, богатство и привилегии. И главной привилегией была безнаказанность в отношении к зависимым людям.

Без различия происхождения и родовая знать, и безродные выслуженники по Табели вместе составили сословие государственных бюрократов, в полной собственности у которых, а в действительности – в совершенном рабстве, оказались миллионы русских крестьян. К середине XVIII столетия почти три четверти всего податного населения российской империи, около 73 % по данным второй ревизии, было отдано правительством «в хозяйственное и судебное-полицейское распоряжение частных лиц», – отмечал В. Ключевский.

Закон не только разрешал телесные наказания, но предоставлял помещику самостоятельно определять степень наказания крепостных, что фактически было равнозначно праву смертной казни своих слуг. Это подтверждает французский аббат Шапп, познакомившийся с бытом крепостной России в 1761 году. Он писал о том, что дворяне подвергают крепостных наказанию плетью или батогами с такой жестокостью, что «на деле получают возможность казнить их смертью».

Владелец поместья чувствовал себя полновластным государем, самодержавным правителем, чья воля оказывалась законом для его «подданных». Единственное, что мешало помещику вполне насладиться своим положением, была обязательная государственная служба.

Правительство, заинтересованное в симпатиях дворянства, из года в год и от указа к указу последовательно освобождает «шляхетство» от этого гнета. Если при Петре I дворянская служба была пожизненной, то Анна Иоанновна повелевает ограничить ее двадцатью пятью годами, причем помещики, у которых было двое и более сыновей, получали возможность одного из них оставлять для управления хозяйством. Кроме этого изобретательные гос-

---

¹ Мундшенок – придворный служитель, ведающий напитками.

² «Кошка» – многохвостая плетель из смоленной пеньки или сыромятных ремней.

пода стали записывать своих детей в полковые реестры с колыбели, что приводило к тому, что, достигнув призывного возраста, дворянскому недорослю оставалось отслужить всего несколько лет, и, конечно, в офицерском чине.

Наконец, Манифестом «о вольности дворянской» 1762 года дворянство совершенно освобождается от необходимости службы и каких-либо других обязанностей с сохранением всех своих прав и преимуществ. Андрей Болотов, известный мемуарист и современник тех событий, оставил описание реакции «благородного» сословия на дарованные Манифестом милости: «Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества; все почти вспрыгались от радости...»

Одновременно крестьяне, наоборот, теряли всякие признаки правоспособности, превращаясь в одушевленный рабочий инвентарь имения. В 1741 году вступление на престол дочери Петра, императрицы Елизаветы, сопровождалось обнародованием указа об отстранении крепостных крестьян от присяги российским самодержцам. Без разрешения помещика они не могли вступать в брак и женить своих детей, покинуть усадьбу и даже постричься в монахи. Очередной указ лишил крепостных права владеть какой-либо недвижимой собственностью.

Подобное законодательство и практика его воплощения в дворянских имениях, естественно, приводили к бунтам. Подсчитав однажды расходы от необходимости вооруженного подавления многочисленных народных волнений, пришли к остроумному решению взыскивать эти убытки с самих крестьян. В императорском указе сказано так: «Ежели впредь последует какая от крестьян помещикам непокорность, и посланы будут воинские команды, то сверх подлежащего по указам за вины их наказания *дабы чувствительнее им было*, взыскивать с них и причиненные по причине их непослушания казенные убытки».

Этот закон, так же как и большинство других, не просто ущемлявших, но глумившимися над правами и достоинством крепостных крестьян, был издан в начале правления Екатерины II, в 1763 году. Историки назовут ее царствование великим, а саму правительницу – гуманной и просвещенной. Называют так и до сих пор.

Впрочем, она действительно была автором нескольких проектов законов, назначенных к смягчению крепостных порядков. В 1765 году при поддержке правительницы несколько самых близких к ней людей создают так называемое Вольное экономическое общество. Учредителями его выступали фаворит Екатерины Григорий Орлов, графы Воронцов и Чернышев, а также статс-секретарь императрицы и владелец нескольких тысяч «душ» Адам Олсуфьев.

Целью общества объявили изыскивание средств к «приращению народного благосостояния». Новая организация сразу же объявляет конкурс на лучшее сочинение об изменении участи крестьян. Причем любопытно, что награды в результате было удостоено сочинение, показавшееся отцам-учредителям одновременно столь вольнодумным, что его не сочли возможным напечатать...

Вскоре после этого начинает работу так называемая Уложенная комиссия, задачей которой было наведение порядка в своде государственных законов. Законодательство, обогатившееся за сто с лишним лет, прошедших со времен Соборного Уложения царя Алексея Михайловича, множеством юридических актов, нередко противоречивых друг другу, действительно нуждалось в исправлении. Но придворных консерваторов тревожило содержание статей Наказа императрицы Екатерины для Уложенной комиссии. Там самодержавная правительница прямо заявляла о необходимости защитить права крепостных крестьян на имущество и личную жизнь, в том числе их право жениться и выходить замуж без вмешательства помещика.

Распространились слухи, будто в окружении молодой императрицы обсуждаются проекты не только облегчения участи крестьян, но даже их скорого освобождения. Впрочем, паника скоро улеглась. Ни одно из благих намерений Екатерины II в отношении помещичьих крестьян так и не обрело никогда юридической силы.

«Долгое царствование императрицы Екатерины II замечательно внутренними преобразованиями», – восклицают один за другим авторы книг об этой эпохе и тут же глухо оговариваются, что «однако для крепостных крестьян государыне не удалось ничего сделать и положение их в это время сделалось еще более тяжелым...». Красноречиво звучит и вынужденное объективными фактами признание историка П. Полевого, что «преобразования Екатерины менее всего коснулись крестьянского сословия».

Но ведь это обделенное вниманием правительства сословие составляло абсолютное большинство народа. Кому же тогда были нужны другие преобразования правительницы?

Приход Екатерины к власти летом 1762 года после дворцового переворота сопровождался щедрой раздачей наград для приближенных. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 9 августа 1762 года сообщалось, что за «сокровенное усердие и ревность для поспешения благополучия народного» императорское величество соизволила наградить: «камергеру Григорью Орлову – 800 душ; Евграфу Черткову – 800 душ; графу Валентину Мусину-Пушкину – 600 душ; порутчику Василью Бибикову – 600 душ; подпорутчику Григорью Потемкину – 400 душ; да Федора и Григорья Волковых – в дворяне и обоим 700 душ; да Алексея Евреинова – в дворяне ж и ему 300 душ; гардеробмейстеру Василью Шкурину с женою – 1000 душ...»

Тогда в один день 26 особенно отличившихся и близких к новой императрице людей получили в свою собственность 18 тысяч крепостных. А всего за время правления Екатерины помещикам было подарено более 800 тысяч душ. Крестьяне щедро жаловались «за победу, за удачное окончание компании генералам или просто «для увеселения», на крест или зубок новорожденному. Каждое важное событие при дворе, дворцовый переворот, каждый подвиг русского оружия сопровождался превращением тысяч крестьян в частную собственность», – писал В.О. Ключевский.

Крепостное право, как оно сложилось ко второй половине XVII века, превратилось в серьезнейшую государственную проблему. Оно начинало угрожать не только внутренней безопасности империи, когда постоянные мятежи и восстания привели наконец к беспрецедентной по размаху и жестокости крестьянской войне под руководством Пугачева. Главной опасностью стало развращающее влияние крепостничества на общественные нравы.

Слишком ясно поняла это сама Екатерина, когда в ответ на ее предложения к членам Уложенной комиссии хотя бы несколько смягчить бесправное состояние крепостных раздались требования прямо противоположного свойства, причем от депутатов разных сословий.

Исключительное право дворянства на распоряжение душами соотечественников вызывало зависть непривилегированных, но лично свободных слоев населения. Потому купцы, мещане, казацья старшина и даже духовенство, представленные в Уложенной комиссии уполномоченными делегатами, заявили о своем неколебимом желании получить право владения крепостными рабами.

Екатерина была раздражена: «Если крепостного нельзя признать персоною, следовательно, он не человек, то его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано будет», – записала она вскоре после очередной встречи с депутатами.

Раздражение и беспокойство правительницы было совершенно оправданно. Екатерина оказывалась свидетельницей социального недуга, угрожавшего разрушить государство, которое она мечтала передать своим внукам. Но остановить роковое развитие болезни она уже не могла.

Глава II. «Крестьянская доля – весь век неволя» *Повинности и обязанности крепостных крестьян*

*Споём песню мы, ребята,
Да про наше про житье,
Да про горюшко свое:
Что в неволе все живём,
Крепостными век слывём...*

Из народных песен

О социально-экономическом устройстве российской империи написано немало ученых работ. Благодаря дотошности исследователей наука обогатилась полезными знаниями о хозяйственной жизни того времени, такими, например, как размеры средней крестьянской запашки и особенности севооборота в разных губерниях. Но множество этих и других хозяйственных подробностей не в состоянии передать духа эпохи, без чего все отдельные и даже самые важные данные делаются бессмысленным набором цифр.

О том, что же представляла собой Россия XVIII – середины XIX века, что было целью тяжелых жертв, принесенных народом «на алтарь отечества», без устали спорят профессионалы и дилетанты, почвенники и западники. Тем примечательнее объективное свидетельство современника. В своей книге, посвященной истории рязанского дворянства, председатель губернской археографической комиссии А.Д. Повалишин замечательно точно характеризует период господства крепостного права: «*Все в сущности* клонилось к тому, чтобы дать помещику средства для жизни, приличной благородному дворянину».

Несколько сотен тысяч «благородных» российских помещиков по воле правительства стали олицетворять собой и государство, и нацию. В то же время миллионы ревизских душ в России именовались не иначе как «хамками» и «хамками», «подлыми людьми». А понятие «народ» в его действительном возвышенном смысле встречалось только в поэтических сочинениях, обращенных к далекому прошлому.

Исключительное положение господ окончательно было закреплено в «Жалованной грамоте дворянству», данной Екатериной II в 1785 году. Текст «грамоты» полон перечислением дворянских привилегий и прав. Но более всего этот документ примечателен своими умолчаниями. И главное из них – совершенное упоминание в тексте о крепостных людях. Это умолчание несло в себе страшное значение – оно окончательно превращало живых русских крестьян в простую материальную часть помещичьей собственности. Как и следует в рабовладельческом обществе, весь смысл жизни крепостного человека, его предназначение состояли теперь исключительно в обеспечении своего господина и удовлетворении любых его потребностей.

Подневольное население обычной помещичьей усадьбы оказывалось довольно пестрым, и каждый имел в ней свои обязанности. Но наиболее многочисленными обитателями любого поместья были, конечно, крестьяне. Круг крестьянских повинностей был чрезвычайно широк и никогда не ограничивался работой на пашне. По приказу из господской конторы крепостные должны были выполнять любые строительные работы, вносить подати натуральными продуктами, трудиться на заводах и фабриках, устроенных их помещиком, или вовсе навсегда покидать родные края и отправляться в дальний путь, если господин решил заселить благоприобретенные им земли в других губерниях.

По словам Ивана Посошкова, автора одного из первых русских экономических трактатов «Книги о скудости и богатстве», помещики в своей хозяйственной деятельности руководствовались простым правилом: «Крестьянину-де не давай обрасти, но стриги его яко овцу догола».

Одним из основных способов извлечения прибыли из крестьянского труда было обложение оброком. На первый взгляд эта повинность может показаться не слишком обременительной. Оброчный крестьянин ежегодно выплачивал господину определенную денежную сумму и во всем остальном имел возможность трудиться и жить относительно самостоятельно. Помещикам оброчная система была также удобна. Она обеспечивала регулярный доход с имения и одновременно избавляла от необходимости вникать в хозяйственные дела. И все же, как правило, на оброк переводили поместья, расположенные в нечерноземных губерниях и там, где земледелие не приносило необходимого дохода. В условиях натурального хозяйства «живые» деньги были редкостью. Чтобы расплатиться с помещиком, крестьяне отправлялись на заработки в города. Там они нанимались на фабрики, зарабатывали каким-нибудь ремеслом или становились извозчиками. Часто целые деревни и села специализировались на том или ином промысле. Так, село Павлово на Оке, вотчина графов Шереметевых, славилось мастерами-замочниками и кузнецами, среди которых было немало зажиточных.

Но в большинстве случаев оброчные крестьяне оказывались в крайне тяжелом положении. Господа кроме денег требовали доставки натуральных припасов – продовольствия, дров, сена, холста, пеньки и льна. Примером натуральных господских поборов может служить перечень из поместья полковника Аврама Лопухина в селе Гуслицах: деньгами 3270 руб., сена 11000 пудов, овса, дров трехаршинных, 100 баранов, 40000 огурцов, рубленой капусты 250 ведер, 200 куриц, 5000 яиц, также ягод, грибов, овощей и прочего – «сколько потребуется для домашнего обиходу».

Иностранный путешественник был потрясен, став однажды свидетелем выполнения натуральной повинности в дворянском поместье: «Подобно пчелам, крестьяне сносят на двор господский муки, крупы, овса и прочих жит мешки великие, стяги говяжьи, туши свиные, бараны жирные, дворовых и диких птиц множество, коровья масла, яиц лукошки, сотов или медов чистых кадки, концы холстов, свертки сукон домашних».

Кроме этого крестьяне были обязаны каждый год на мирской счет выставлять плотников для строительства жилых и хозяйственных зданий в разных вотчинах, рыть пруды и пр. Они содержали на свой счет управителя и его семью. По требованию помещика крестьяне на собственных подводах и лошадях отправлялись в дорогу по разным господским надобностям.

С.Т. Аксаков так начинает свою «Семейную хронику»: «Тесно стало моему дедушке жить в Симбирской губернии, в родовой отчине своей, жалованной предкам его от царей московских...» Следствием этой «тесноты» стало переселение дедушки в соседнюю губернию вместе с пожитками, слугами, чадами и домочадцами. Конечно, переселяемых крестьян никто не спрашивал о том, тесно ли было им и хотят ли они расставаться с родными местами. Но более значимым было то, что все расходы по переселению ложились на самих крестьян. С.Т. Аксаков не углубляется в хозяйственные подробности, поэтому придется обратиться к данным по имени упоминавшегося А. Лопухина. Когда он задумал перевести несколько крестьянских семей из подмосковной в свою орловскую вотчину, для них были куплены шубы, сани и множество других вещей, необходимых для обустройства хозяйства на новом месте. Эта отеческая забота помещика легла дополнительным бременем на оставшихся на месте крестьян, поскольку все было куплено за их счет. Но, кроме того, остающиеся должны были платить за переселенных оброк и выполнять прочие повинности вплоть до новой ревизии. Расходов и обязанностей было слишком много, и число их постоянно увеличивалось, в результате чего лопухинские крестьяне, в челобитной на имя императрицы, жаловались, что под властью своего господина они «пришли в крайнее разорение и скудость».

Правда, встречались помещики, старавшиеся не слишком обременять своих крестьян. Они если и требовали наряду с оброчными деньгами некоторых натуральных повинностей, в том числе и доставки продуктов, то делали это не сверх установленных платежей, а включали их в сумму оброка. Но такие щепетильные господа были настоящей редкостью, исключением из общего правила.

Вообще все в поместье, в том числе и судьба крестьян, их благополучие или разорение, целиком зависели от воли владельца. Ни закон, ни обычай не определяли никакой другой меры во взаимоотношениях господ и крепостных людей. Добрый и состоятельный, или просто легкомысленный помещик мог назначить необременительный оброк и много лет вообще не показываться в имении. Но чаще всего бывало иначе, и крестьяне, кроме денег и натуральных повинностей, должны были еще и обрабатывать господскую землю. Так, например, крестьяне одного помещика московского уезда, кроме оброка в 4 тысячи рублей, пахали для господина по 40 десятинам³ ярового хлеба и по 30 десятинам ржи. В течение года они возили в столичный дом помещика дрова, сено и столовые припасы, для чего потребовалось несколько сотен подвод; отстроили новый дом в одной из вотчин, на что, кроме своего труда и леса, израсходовали около одной тысячи рублей из личных средств. Крестьяне обер-провиантмейстера Алонкина в прошении на имя императора Павла жаловались, что господин наложил на них оброк по 6 рублей с души, а притом принуждает обрабатывать помещичью землю в размере 600 десятин. Кроме того, Алонкин «на работу посылает ежедневно как мужчин так и женщин для копания прудов, и на работе беззачадно и безчеловечно мучил побоями. Некоторые от оных побоев померли, а другие женщины, беременные, от беззачадного телесного наказания выкинули мертвых младенцев, и так чрез самое его безчеловечие пришли все в нищее братство»...

Не легче было крестьянам и в том случае, если господа не заставляли исполнять лишних работ, но предпочитали просто повышать сумму оброка. Нередко такие платежи были столь высоки, что вконец разоряли крестьянское хозяйство. Крестьяне генерал-аншефа Леонтьева оказались доведены поборами помещика до такой крайности, что были вынуждены в конце концов питаться подаяннем. Тщетно умоляя своего господина уменьшить бремя выплат, они обратились с отчаянной челобитной к императрице, в которой признавались, что и продав «последние из домишков своих», не смогут выплатить и трети возложенного на них оброка. При этом управитель, по приказу Леонтьева, их «бьет и мучит нещадно» с женами и детьми.

Крестьянин Н. Шипов вспоминал: «Странные бывали у нашего помещика причины для того, чтобы увеличивать оброк. Однажды помещик с супругою приехал в нашу слободу. По обыкновению, богатые крестьяне, одетые по-праздничному, явились к нему с поклоном и различными дарами; тут же были женщины и девицы, все разряженные и украшенные жемчугом. Барыня с любопытством всех рассматривала и потом, обратясь к своему мужу, сказала: «У наших крестьян такие нарядные платья и украшения; должно быть, они очень богаты и им ничего не стоит платить нам оброк». Недолго думая помещик тут же увеличил сумму оброка».

Примеров подобного произвола множество, они были обыкновенны, и именно потому, что крестьяне рассматривались просто как одушевленное средство для обеспечения своему господину необходимых условий для жизни, «приличной благородному дворянину». Об одном из таких «благородных» помещиков рассказывает Повалишин. Некто Л., промотавшийся офицер, после долгого отсутствия вдруг нагрянул в свою деревню и сразу значительно увеличил и без того немалый оброк. «Что будешь делать, – жаловались крестьяне, – барину надо платить, а платить нечем. Недавно он был здесь сам и собирал оброк. Сек тех, которые не платят. Вы мои мужики, говорил он нам, должны выручать меня; у меня кроме этой шинели нет ничего... Один было сказал, что негде взять, он его сек, – сек как собаку; велел продавать скот, да никто

³ Десятина – 1,0925 га.

не купил. Кто же купит голодную скотину – кости да кожа? Сорвал с тех, которые побогаче, 1000 рублей и уехал. Остальные велел прислать к нему».

Такое посещение дворянином своей вотчины больше похоже на разбойничий налет. Но еще тяжелее приходилось крестьянам, если руку на их пожитки накладывал барин дельный, да еще и ласковый, каким запомнился его господин бывшему крепостному Савве Пурлевскому.

Помещик приехал в село с супругой и сразу прошелся по улице, внимательно все оглядывая, заходя в дома, спрашивая мужиков о житье-бытье. Держал себя с крестьянами просто, умел расположить к себе. На приветствие мирского схода отвечал степенно, с видимым уважением к собравшимся старикам. Бурмистр от имени села кланялся барину, говорил, что всем миром Бога молят о здравии господина и чтят память недавно почившего папеньки его. Барин улыбнулся, отвечал: «И это, старики, не худо. Спасибо за память». Но потом как-то так вдруг перешел к делу, что никто и опомниться не успел: «Но не забывайте, что нам нужны теперь деньги. Мы не хотим увеличивать оброк, а вот что сделаем. Соберите нам одновременно двести тысяч рублей. Как вы люди все зажиточные, исполнить наше желание вам не трудно. А? Что скажете?»

Поскольку крестьяне молчали в растерянности от услышанного, господин воспринял их молчание за положительный ответ: «Смотрите же, мужички, чтобы внесено было исправно!» Но тут сходка взорвалась криками: «Нет, батюшка, не можем!», «Шутка ли собрать двести тысяч!», «Где мы их возьмем?».

– А дома-то смотри какие настроили, – возразил, усмехнувшись, барин.

Но сход не унимался: «Питаемся промыслом, платим оброк бездоимочно. Чего еще?»

Пурлевский продолжает: «Услышав такой решительный отказ, барин посмотрел на нас, опять улыбнулся, повернулся, взял барыню под ручку, приказал бурмистру подавать лошадей и тотчас уехал... Через два месяца вновь собрали сходку, и тогда уж без околичности был прочитан господский указ, в котором начистоту сказано: «По случаю займа в Опекунском совете⁴ 325 тысяч на двадцать пять лет, процентов и погашения долга требуется около 30 тысяч в год, которые поставляется в неперемнную обязанность вотчинного правления ежегодно собирать с крестьян, кроме прежнего оброка в 20 тысяч; и весь годичный сбор в 50 тысяч разложить по усмотрению нарочно выбранных людей, с тем, чтобы недоимок ни за кем не числилось, в противном случае под ответственностью бурмистра неплательщики будут, молодые – без очереди сданы в солдаты, а негодные на службу – отосланы на работу в сибирские железные заводы».

В безмолвной тишине, прерываемой вздохами, окончилось чтение грозного приказа. В этот момент в первый раз в жизни почувствовал я прискорбность своего крепостного состояния... Такой огромный налог всех устрасил до крайности. Казался он нам и незаконным. Но что же было делать? В то время подавать жалобы на господ крестьянам строго воспрещалось...»

Оброк часто бывал индивидуальной повинностью, когда им облагали не все население поместья, а отдельных людей, приносивших господину доход своим ремеслом или искусством. Хозяйственные помещики, как правило, тщательно отбирали среди крестьянских детей, способных к той или иной деятельности, и отдавали в обучение. Повзрослев, такие крепостные мастера и ремесленники исправно выплачивали барину большую часть заработанных денег.

Особенно ценились талантливые музыканты, художники, артисты. Они, кроме того, что приносили значительный доход, способствовали росту престижа своего господина. Но личная судьба таких людей была трагичной. Получив, по прихоти барина, блестящее образование, пожив нередко за границей и в Петербурге, где многие, не догадываясь об их происхождении, обращались с ними как с равными, достигнув мастерства в своем искусстве, крепостные арти-

---

⁴ Опекунский совет – основанное в 1763 году государственное учреждение, ведавшее делами некоторых организаций, в том числе Ссудной кассы, из которой выдавались денежные средства под залог недвижимости.

сты забывали, что они – всего лишь дорогая игрушка в руках хозяина. В любое мгновение их мнимое благополучие могло быть разбито по мимолетному капризу помещика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.